Научная статья /
Research Article

https://elibrary.ru/BACLSB
УДК 821.131.1.0
ББК 83.3(4Ита)

ЗИМА В ТОМАХ И «ЗИМА» В АДУ: ЕЩЕ РАЗ О ПЕРЕКЛИЧКАХ МЕЖДУ ДАНТЕ И ОВИДИЕМ

© 2022 г. Т.Г. Чеснокова
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия
Дата поступления статьи: 20 декабря 2021 г.
Дата одобрения рецензентами: 23 января 2022 г.
Дата публикации: 25 июня 2022 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-2-40-61

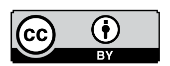
Аннотация: В ряду возможных источников «зимней» образности, характерной для заключительных песен «Ада», особое место принадлежит мотиву скифской зимы, подробно развитому в «изгнаннической» поэзии Овидия, а до него — в «Георгиках» (III) Вергилия. Несмотря на отсутствие у Данте прямых упоминаний о «Скорбных элегиях» и «Письмах с Понта», большинство современных исследователей подвергают сомнению вывод Э. Мура, предположившего в конце XIX в., что поздние сочинения Овидия, созданные в ссылке, остались неизвестными автору «Комедии». Отталкиваясь от точки зрения М. Пиконе, усмотревшего в «зимних» мотивах «Ада» не только перекличку с овидиевской зимой, но и попытку переосмысления центрального для «Скорбных элегий» мотива изгнания, автор статьи рассматривает наиболее важные параллели, объединяющие первую кантику «Комедии» и «изгнанническую» лирику Овидия, в том числе: описание прочности ледяного покрова застывшей реки или озера; хождение автора-героя по льду и его наблюдения над обликом и поведением вмерзших в лед существ; корреляцию между господством зимы и обострением враждебности в отношениях людей и племен; связь зимнего антуража с мотивами «смерти заживо» и утраты духовной родины; стремление к духовному Абсолюту среди царства зимы; потенциальную двойственность зимних мотивов.

Ключевые слова: зима, Данте, Овидий, мотив, топос, изгнание, смерть, амбивалентность, духовная родина, духовное странствие.

Информация об авторе: Татьяна Григорьевна Чеснокова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: http://orcid.org/0000-0001-9326-4520

E-mail: tchesno@bk.ru

Для цитирования: *Чеснокова Т.Г.* Зима в Томах и «зима» в Аду: еще раз о перекличках между Данте и Овидием // Studia Litterarum. 2022. Т. 7, № 2. С. 40–61. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-2-40-61

Studia Litterarum,
vol. 7, no. 2, 2022

WINTER IN TOMIS AND "WINTER" IN HELL: ONCE MORE ABOUT THE PARALLELS BETWEEN DANTE AND OVID

© 2022. Tatiana G. Chesnokova
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Received: December 20, 2021
Approved after reviewing: January 23, 2022
Date of publication: June 25, 2022

Abstract: Among the probable sources of "winter" imagery in the last cantos of *Inferno* a special place belongs to the motif of Scythian winter, developed in detail by Ovid in his "exile poetry" and (before him) by Virgil in the *Georgics* (III). Despite the absence of direct mentions of *Tristia* and *Epistulae Ex Ponto* in Dante's oeuvre, the majority of modern scholars challenge the statement of E. Moore, who suggested in the late 19th century that later writings by Ovid created in exile may have remained unknown to the author of the *Divine Comedy*. In correlation with the view of Michelangelo Picone, who, beside tracing the characteristics of Ovid's winter, also saw in Dante's wintry parts of Hell a reconsideration of the motif of exile (central to *Tristia*), the author of the article examines the most important parallels, uniting the *Commedia*'s first cantica with Ovid's "exile" verses, namely the description of the solidity of ice covering the river or lake; the hero-author walking on the ice and gazing at beings bound in it; the correlation between winter's dominance and the escalation of hostility in the relations of persons and tribes; the connection of winter's setting with the motifs of "death-in-the-life" and the loss of spiritual home; a longing for spiritual Absolute under the reign of winter; potential ambiguousness of "winter" motifs.

Keywords: winter, Dante, Ovid, motif, topos, exile, death, ambivalence, spiritual home, spiritual journey.

Information about the author: Tatiana G. Chesnokova, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: http://orcid.org/0000-0001-9326-4520

E-mail: tchesno@bk.ru

For citation: Chesnokova, T.G. "Winter in Tomis and 'Winter' in Hell: Once More about the Parallels between Dante and Ovid." *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 2, 2022, pp. 40–61. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-2-40-61

Одна из любопытных особенностей дантовского Ада заключается в том, что, вступая в пределы нижнего круга (и приближаясь к обиталищу Сатаны), Данте и его спутник сталкиваются не с усилением интенсивности адского жара, ранее представленного описанием огненных могил (еретики: Inferno, X); палящего дождя (содомиты: XV); горящей смолы (мздоимцы: XXI) и пылающих снопов (лукавые советчики: XXVI), — а, напротив, с тотальным оледенением окружающего пространства и пронизывающим холодом. Для сравнения: в латиноязычном «Видении Тнугдала» (*Visio Tnugdali*, сер. XII в.), во многих отношениях предвосхитившем (и, может быть, подсказавшем) «план построения Дантова потустороннего мира» [7, с. 173], к некоторым категориям грешников также применяется пытка льдом (обычно — в чередовании с огнем), а странствующая душа Тнугдала (визионера) ощущает ледяной озноб, вступая в нижние пределы Ада. Однако кульминацией инфернальных картин здесь является не «полярный» ландшафт ледяного Коцита, а корчи Люцифера на раскаленной решетке, под которой пылает огонь (гл. XIV).

Предпочтение льда как материи «абсолютного низа», безусловно, имело свои предпосылки: комментаторы «Ада» и авторы энциклопедических статей, посвященных его «ледяным» образам [13; 15], находят литературные параллели и рассуждения, поясняющие выбор поэта, в самых разных источниках, включая библейские тексты (Ис. 14: 13–15), труды богословов (Августин, Григорий Великий) и сочинения античных писателей (Вергилий, Овидий), содержащие описания загробного мира. Реже в комментариях можно встретить развернутые указания на переклички с поэтическими описаниями северной зимы — в частности в «изгнаннических»

стихах Овидия, хотя в научной литературе этой теме уделялось внимание, и она продолжает привлекать внимание исследователей (см., в частности, работы, переизданные или опубликованные в течение последнего десятилетия: [22; 18]).

Вопрос о степени значимости для «Божественной комедии» Данте (и для образа ледяного Коцита) овидиевских «Скорбных элегий» (*Tristia*) и «Писем с Понта» (*Epistulae ex Ponto*), как показывает даже поверхностное знакомство, не получил в профессиональной среде дантологов однозначного ответа. Тем не менее можно заметить, что среди современных исследователей находится все меньше сторонников категоричного суждения создателя Оксфордского Дантовского общества Эдварда Мура (1835–1916), который (в конце XIX в.) подверг сомнению практическое знакомство автора «Комедии» с какими-либо иными сочинениями римского классика, «кроме “Метаморфоз”», — на основании отсутствия прямых упоминаний или точных цитат из названных текстов в поэзии и прозе Данте [20, p. 206–207]. В противоположность Э. Муру сотрудник Сент-Эндрюсского университета Р. Уилсон считает маловероятным, чтобы на Данте не оказало никакого воздействия «ощутимое присутствие» изгнаннической поэзии Овидия в литературном сознании XII–XIII вв.[1], но объясняет «немногочисленность» связанных с нею реминисценций сознательным выбором великого флорентийца, призванным подчеркнуть отличие его опыта от опыта римского предшественника [25, p. 55, 56]. На фоне осторожных суждений Уилсона ряд современных работ (1990–2000-х гг.)[2] содержит более решительные высказывания в пользу признания практического влияния «Скорбных элегий» на творчество Данте [24, p. 149–151; 23; 19] и его литературные взгляды [14, p. 1–2]. Так, М. Пиконе не только углубляется в детальное изучение перекличек между текстом «Комедии» и *Tristia*, но и прослеживает направление осознанной трансформации овидиевского мо-

1 О «малых» произведениях Овидия в средневековом восприятии см., в частности: [25, p. XXXVIII–XXXIX; 16, p. 86–88]; о позиции Данте в связи с чередованием волн интереса к Вергилию и Овидию: [20, p. 54].

2 Ранее убеждение в том, что не только современник Данте Альберто Муссато использовал текст «Скорбных элегий» в своем центоне, но и сам Данте не раз обращался к этому сочинению римского автора, высказал А.Л. Уилер в предисловии к составленному им двуязычному (латинско-английскому) изданию поздних стихов Овидия (1924, переиздано в 1939 г.): [25, p. XXXVIII].

тива «земного» изгнания в дантовской поэме. Речь идет о переосмыслении ссылки в «духовном» (аллегорическом) смысле — на фоне чуждой Овидию (но близкой Данте) «облагораживающей» [22, p. 28, 35] трактовки «физического» изгнания — как ступени к поэтической славе и религиозному спасению [22, p. 33; 19, p. 135–138][3]. В этом контексте закономерным оказывается созвучие ряда мотивов, связывающих «Скорбные элегии» с заключительными песнями «Ада», включая образ ледяного пространства, входящий в структуру обоих текстов.

На фоне сравнительно мягкого (в общеевропейском масштабе) характера причерноморской зимы безутешные жалобы Овидия в «Скорбных элегиях» и его изощренно «литературные» описания, в которых «с продуманным… нарастанием» выделен «один ряд мотивов» — снега и льда [6, с. 210], — порой представляются комментаторам сознательной риторической игрой, продиктованной единственной целью — добиться снятия опалы[4]. Нет нужды также повторять, что, отождествляя (в ряде случаев) место своего изгнания (Томы) со Скифией, Овидий допускает некоторую географическую вольность [25, p. 62], так же как и настаивая на северном расположении этой области, в сравнении с Римом ориентированной скорее на северо-восток: «Обобщенно-поэтический облик “скифской” страны, в которой вынужден жить Овидий, создается им с постоянной оглядкой на характернейшие черты скифо-сарматского варварского мира, откуда переносятся даже свойственные северным странам климатические особенности (“полярный” климат)» [10, с. 7]. Между тем нарочитая концентрация «ледяных» образов в поздних овидиевских стихах, как и артистическая отточенность последних[5] не только не исключала их «субъективной правды»

3 См. также о тексте «Комедии» как «новом Писании»: [19, p. 89].

4 «Овидий жаловался, чтобы привлечь внимание, что его заслали в такую глушь», — эти слова современного историка-антиковеда отражают расхожее представление о «сверхзадаче» лирических ламентаций Овидия в ссылке (см.: [*Карпюк С., Родин М.* (автор программы)]. Климат античности // Родина слонов: [авторская программа Михаила Родина]: группа «ВКонтакте»: запись сообщества, 16.05.2016, 7:35. URL: https://vk.com/wall-98395516_2948?w=wall-98395516_2948 (дата обращения: 16.01.2022)). Ср. также с характеристикой, помещенной в литературной биографии поэта: «Он лепит свою картину из точно подобранных штрихов, сгущает краски, взывает к сочувствию…» [5, с. 209]; «Одна из целей, поставленных поэтом в “Скорбных элегиях” и “Письмах с Понта”, — не дать забыть о себе в столице, добиться прощения или, по крайней мере, облегчения своей участи…» [8, с. 154].

5 Ср.: «В описаниях природы у Овидия пейзаж дается как бы пропущенным сквозь призму изобразительного искусства» [4, с. 71]; поэт «создает своего рода декорацию… Это

для автора — уроженца Средней Италии и постоянного жителя Рима, но и не являлась безусловным свидетельством расхождения «Скорбных элегий» (*Tristia*) с «объективным» положением дел.

Ученые до сих пор спорят о том, был ли в начале новой эры климат в окрестностях Том (современной Констанцы) благоприятнее[6] или, напротив, «суровее нынешнего» [3, с. 156], насколько значительно погодные условия этих земель отличались от италийских[7] и с какой частотой здесь могли случаться по-настоящему морозные зимы (порой наблюдавшиеся в румынском Причерноморье и в XX столетии [5, с. 209]). Но независимо от «объективных» условий жизни внимание поэта-изгнанника было приковано в первую очередь к тем чертам края, которые придавали окружающей местности северный колорит. Северная окраска (стужа, снег, лед, дикая некультивированная природа) приобретала в итоге самодовлеющее значение в поэтическом воображении Овидия — как под влиянием римских культурных стереотипов («киммерийские берега»[8] — край земли — холод, мрак), так и на фоне самих обстоятельств ссылки (страх утраты корней и устойчивых связей с цивилизацией, опасность «рассеивания» культурной и природной энергии и т. п.). «Литературность» овидиевских жалоб и «живописная» изощренность описаний (нередко близких к экфрасису[9])

поэтический псевдомир, где реальность сочетается с привычными для образованных римлян представлениями о далеком севере» [5, с. 208].

6 С учетом так называемого «потепления римского времени» [9, с. 243], или «римского климатического оптимума».

7 С.Г. Карпюк полагает, что разница была едва ощутимой, впрочем, отталкиваясь не столько от исторических свидетельств и реконструкций, сколько от современного климатического соотношения: «Климат этой части Румынии не сильно отличается от Рима». См.: [*Карпюк С., Родин М.* (автор программы)]. Климат античности // Родина слонов: [авторская программа Михаила Родина]: группа «ВКонтакте»: запись сообщества, 16.05.2016, 7:35. URL: https://vk.com/wall-98395516_2948?w=wall-98395516_2948 (дата обращения: 16.01.2022).

8 “Cimmerio... litore”. Ср.: «Вот и шестую весну среди гетов, в шкуры одетых, / *У киммерийских границ* выпало мне отбывать» (пер. Н. Вольпин). — “Haec mihi *Cimmerio* bis tertia ducitur aestas / *litore* pellitos inter agenda Getas” (*Ex Ponto*, IV, X, 1–2) [34; 40, p. 462]. Здесь и далее курсив в цитатах мой. — *Т.Ч.*

9 Ср.: «С точки зрения образованного римлянина “века Августа”, природа как бы подражает искусству (simulaverat artem ingenio natura suo), и в описаниях природы у Овидия пейзаж дается как бы пропущенным сквозь призму изобразительного искусства» [4, с. 71]; «Ступив на лед, он удивляется его сходству с мозаичными полами римских вилл, видит разноцветных рыб, как бы просвечивающих сквозь стекло, застывших от мороза. Суда, вмерзшие в ледяные глыбы, похожи на мраморные изваяния» [5, с. 208].

оставались при этом необходимым средством культурной самозащиты — орудием сохранения собственной идентичности перед угрозой тотальной энтропии. Не случайно М.Л. Гаспаров расценил обращенные к позднему Овидию упреки (в «малодушии» и «обилии общих мест и повторений»[10]) как проявление «самоуверенности кабинетного вкуса» [6, с. 203–204], безразличного к культурным условиям и кодам овидиевской поэзии. Что же касается Данте, то насыщенность «Скорбных элегий» «общими местами», представлявшими топику «дикого» севера, могла скорее привлечь, нежели оттолкнуть создателя «Божественной комедии» на этапе формирования аллегорической конструкции «ледяных» песен «Ада».

Положив в основание этой конструкции образы снега и льда, с их привычной для Средневековья символикой греха, наказания, пытки (в видениях) и близости Искусителя (в Библии и богословской литературе)[11], Данте сочетает все перечисленное с родственной Овидию семантикой «края» (предела)[12], «переводя» античные топосы на язык христианской символики (см.: [22, p. 31; 19, p. 137]). Последнему рубежу обитаемой земли (у Овидия) в этом смысле соответствует последний круг дантовского Ада; крайнему пределу отчужденности лирического героя элегий от Рима и Августа — предел отлученности скованных льдами Коцита грешников от Рая и христианского Бога [22, p. 31]; «исключительной» мере страдания, переживаемого Овидием в ссылке, — высшая степень загробных мук, назначаемых в Аду предателям.

На уровне географических топосов связующим звеном между занесенными снегом Томами и ледяным Адом Данте выступает образ застывшего Истра-Дуная, упоминаемого обоими авторами. Но если в «Скорбных элегиях» Дунай — отправная точка и центр, вокруг которого наращивается цепь «зимних» мотивов, то в XXXII песни «Ада» сходную роль играет Коцит, оттеснивший «овидиевский» Дунай на периферию. Утратив центральное место в картине адской зимы, «Данувий» также перестает быть чем-то

10 См. также: [3, с. 156; 8, с. 156].

11 «А говорил в сердце своем: “взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой и сяду на горé в сонме богов, на краю севера <…>”. Но ты низвержен в ад, в глубины преисподней» (Ис. 14: 13, 15) [27, с. 691].

12 «А за ними — ничто: только холод, мрак и безлюдье. / Горе! Как близко пролег *круга земного предел*!» (пер. Н. Вольпин) — “ulterius nihil est nisi non habitabile frigus. / heu quam vicina est *ultima terra* mihi!” (*Tristia*, III, IV, 52–53) [32, с. 412; 40, p. 118].

единственным в своем роде. У Данте он выступает в связке с Танаисом-Доном, едва маячившим у Овидия на заднем плане[13], — еще одной пограничной рекой, разделявшей, по представлениям древних, Европу и Азию[14]. В новой «конструкции» и Танаис, и Дунай — только тени Коцита. Но каждая из этих рек — это также его натуральный иероглиф — земной ориентир, позволяющий пробудиться духовному зрению для наиболее точного восприятия адского озера. Это — нить, протянувшаяся от мира физического к миру нравственных абсолютов, от Овидия — к Данте, от язычества — к христианству и от классической светской поэзии — к разновидности «священной поэмы»[15], каковой временами «Комедия» стремится стать (по крайней мере, на одном из своих жанровых полюсов) [1, с. 365].

Хотя тезис о преобладании общих мест в поздних элегиях и посланиях Овидия сам давно стал общим местом, надо признать, что поэт проявляет большую изобретательность, варьируя родственные мотивы и нанизывая картины, разными способами утверждающие нечто сходное. Так — в элегии III, X, где образ застывшего Истра реализуется в «однообразной» последовательности топосов, «бьющих» в одну точку, вместе они создают впечатление чужого, бесплодного, дикого и опасного края, нахождение в котором слагателя латинских песен является неким чудовищным оксюмороном. Ища в окружающей обстановке привычных и отрадных картин, воображение автора, напротив, находит в них нечто неестественное и странное и, утверждая эту странность посредством топосов «чужого», «диковинного» и «редкого», настойчиво утверждает свою непричастность к враждебному «окраинному» миру. Сходную стратегию применяет и Данте, опираясь одновременно на литературные топосы (Дунай, Танаис как часть классической картины мира) и «реальные» впечатления от природных объектов (Тамберник, Пьетрапана), с тем чтобы лишний раз подчеркнуть несовпадение между потусторонним пространством и его «земным» восприятием,

13 Вместе с Босфором и «Киммерийскими топями» Танаис упоминается Овидием как почти ирреальный объект, расположенный еще далее места ссылки поэта. Все это — «еле знакомые нам хоть по названью места» (пер. Н. Вольпин). Ср.: “Bosphoros et *Tanais* superant Scytiaeque palludes / vix satis et noti nomina pauca loci” (*Tristia*, III, IV, 49–50) [32, c. 411; 40, p. 118].

14 См., например, в географической поэме Дионисия Александрийского «Описание населенной земли» (*Οἰκουμένης Περιήγησις*, ок. 125 г. н.э.): [30, с. 183].

15 См. ссылку на это выражение из «Рая» далее.

между картинами Ада и собственным взглядом — взглядом «свидетеля» и рассказчика. На этом фоне частные концепты, мотивы и образы, входящие в комплекс овидиевского «заледеневшего Истра», в свою очередь обретают параллели в «Комедии» (нередко меняя порядок и иерархию).

Там, где Овидий развивает топос перечисления тягот «окраинного» населения, проистекающих от стужи[16] (невозможность согреться даже под звериными шкурами, смерзшиеся волосы и заледенелые бороды «туземцев», напитки, превратившиеся в кусок льда, III, X, 19–24[17]), Данте трансформирует его в описание мрачной участи грешников, дополняя характерным для средневековых видений мотивом «пытки стужей» и связывая с идеей возмездия. Души предателей, вмерзшие в Коцит, синеют и стучат зубами (XXXII, 34–36), волосы двоих сбиваются в цельный ком (XXXII, 41–42), слезы замерзают, не успев пролиться из глаз (XXXII, 46–48, XXXIII, 97–99). Авторский взгляд перемещается в обоих случаях в одном направлении, фокусируясь поначалу на состоянии природного мира («Землю едва убелит мраморный зимний покров...»; «Я увидал, взглянув по сторонам, / Что подо мною озеро, от стужи / Подобное стеклу, а не волнам»[18]), а за-

16 Ср.: «Мало людям тепла от широких штанин и овчины / Тéла у них не видать, лица наружу одни. / Часто ледышки висят в волосах и звенят при движенье. / И от мороза блестит, белая вся, борода. / Сами собою стоят, сохраняя объемы кувшинов, / Вина: и пить их дают не по глотку, а куском» (пер. С. Шервинского) — “pellibus et sutis arcent mala frigora bratis, / oraque de toto corpore sola patent. / saepe sonant moti glacie pendente capilli, / et nitet inducto candida barba gelu; / nudaque consistent, formam servantia testae, / vina, nec hausta meri, sed data frusta bibunt” (III, X, 19–24) [32, с. 414; 40, p. 136–138].

17 Ранее сходная цепочка мотивов встречалась в вергилиевских «Георгиках» (III, 349–383). При этом Вергилий географически также привязывал свое описание «севера» к берегам Истра (Дуная) и упоминал живущих неподалеку скифов: “At non qua *Scythiae gentes* Maeotiaque unda, / turbidus et torquens flaventis *Hister* arenas” (III, 349–350) [41, p. 205]. В переводе С. Шервинского: «Иначе — там, где *скифы* живут, близ вод Меотийских, / Там, где желтый песок, взбаламученный, крутится *в Истре*» [28, с. 113]. Автор «Георгик», впрочем, вспоминал не только о тяготах, но и о грубых удовольствиях, свойственных зимнему образу жизни обитателей скифских окраин, в том числе о пирах после успешной охоты (III, 369–380). Овидий же «упивается» перечислением бедствий и угроз, сопряженных с жизнью на севере. При этом он дополняет их новыми лишениями — духовными, переживаемыми им лично (отрыв от родного языка, культуры, расставание с близкими и друзьями, ощущение медленного умирания и т. п.).

18 Здесь и далее русский текст «Божественной комедии» цит. в пер. М. Лозинского по изданию [29]. Ср.: “at cum tristis hiems squalentia protulit ora / terraque marmoreo est candida facta gelu...” (*Tristia*, III, X, 9–10) [40, p. 136]; “Per ch'io mi volsi, e vidimi davante / e sotto i piedi un lago che per gelo / avea di vetro e non d'aqua sembiante” (Inferno, XXXII, 22–24) [38, p. 174–175].

тем поворачиваясь к миру людей (человеческих душ). Но для Овидия это равнозначно движению от причины к следствию (дикой природе соответствуют дикие нравы и варварский способ существования[19]), а для Данте — от видимости к сущности, от проекции в физическом мире — к духовному первоисточнику, влияющему на материальный «состав» бытия.

В овидиевской элегии (III, X) Истр, замерзая, превращается из защитной преграды в удобную переправу, по которой к чужим берегам устремляются воинственные орды захватчиков: природное явление провоцирует стычки и войны, а неукротимость морозов помогает вырваться на свободу неукротимости диких племен[20]. В «Комедии» мстительная злоба теней также с особым неистовством бушует на фоне заледеневших просторов Коцита[21], пластически воплощаясь то в фигурах «бодающихся» братьев-братоубийц Наполеоне и Алессандро дельи Альберти[22], то в образах «вечных» врагов Уголино и Руджери, столь же ненавистных, сколь и близких друг другу в своей ледяной «яме»[23] (“or ti dirò perché i son tal vicino”, Inferno, XXXIII, 15) [38, p. 179]. Но зарождается эта злоба все же не в природной обители холода, а в тайниках преступных душ и тянется из их земной жизни[24]. В физическом пространстве (как у Овидия, так и у Данте) стужу приносит с собой леденящий ветер из «закраин» земли. Именно он делает снег «вечным» (“perpetuamque”, *Tristia*, III, X, 14) и сковывает воды реки (“cogit aquas”, III, X, 52). Однако овидиевский Борей-Аквилон действует как

19 «Как посмотрю я вокруг — унылая местность... / А на людей погляжу — людьми назовешь их едва ли. / Злобны все, как один, зверствуют, хуже волков» (пер. С. Шервинского). — “sive locum specto, locus est inamabilis.../ sive homines, vix sunt homines hoc nomine digni, / quamque lupi, saevae plus feritatis habent” (*Tristia*, V, VII, 43, 45–46) [32, c. 433; 40, p. 238].

20 Ср.: «Истр под ветром сухим становится ровен и гладок / И по нему на конях дикий проносится враг» (“protinus aequato siccis Aequilonibus Histro / invihitur celeri barbarus hostis equo”, *Tristia*, III, X, 53–54) [32, c. 415; 40, p. 138].

21 «Чем ниже, чем глубже спускается поэт — тем ненависти больше…» [11, с. 117]; «Ужас адских мук заключается прежде всего в том, что здесь царит ненависть. Тени ненавидят друг друга, но от этой ненависти они не горят… а замерзают» [12, с. 224].

22 Ср.: «...и они, как два козла, / Боднулись лбами, — *так их злость душила*» [29, c. 143] — “ond’ei come due becchi / cozzaro insieme, *tanta ira li vinse*” (Inferno, XXXII, 50–51) [38, p. 175].

23 Или «выбоине»: “In una buca” (Inferno, XXXII, 125) [38, p. 177].

24 Для Данте, как ранее, например, для Григория Великого в «Толковании на Книгу Иова», холод и лед — не что иное, как предельная концентрация злобы и ярости, спроецированная в окружающее физическое пространство. См., в частности: *Moralia in Iob*, XXX, 58 [39, p. 1475]. Предметом толкования служат стихи: Иов. 38: 29–30. О значении «Толкований» Григория для дантовской трактовки холода см., в частности: [15].

самостоятельная природная сила (его связь с «дрожащим полюсом» — “axe tremente”, III, X, 12 [40, p. 136][25] не вполне ясна, но в любом случае «личное» начало здесь скорее «подражает» безличному, чем наоборот). У Данте же ветер распространяется от взмахов Люциферовых крыльев, т. е. имеет «персональный» источник (а значит, этическое начало вновь обнаруживает свою первичность по отношению к физическому).

В трактовке неукротимости нравов как продолжения (или одной из форм проявления) ярости природы Овидий вновь (как и в отношении «тягот» жизни на севере) «вышивает по канве» Вергилия, но при этом сдвигает акценты. Вергилиевское описание северных земель и их жителей было в «Георгиках» максимально отстраненным: и беды, и грубые удовольствия, и природная «необузданность» скифов — все это увидено автором «сельскохозяйственной» поэмы с безопасного расстояния. Овидий же (по крайней мере в его собственном восприятии), находясь в «сердце» полярной «зимы», терпит из-за нее те же бедствия, что и «дикие» соседи, одновременно страдая от столь унизительного, а порой и опасного соседства. Отсюда — на фоне ровной отчужденности Вергилия — постоянные колебания автора «Скорбных элегий» между отождествлением своей участи с участью «замороженных» дикарей и восприятием их как части той силы, которая преследует его, лишая тепла, уюта, наслаждения миром и благами цивилизации, общения на родном языке.

Эти различия выступают особенно ярко на фоне многочисленных перекличек между поэтами-римлянами (часть которых отмечена выше — см. сноску 18). Там, где автор «Георгик» в бесстрастной манере констатирует, насколько «тяжко» приходится дикарям «под Медведицей гиперборейской», попутно называя их «злобными» (так — в переводе С. Шервинского, в подлиннике — скорее «неистовыми»: “gens effrena”[26]), Овидий жалуется на то, что «выжженный стужею край», простертый «под эрифманской Медведицей», стал его личной тюрьмой[27]. Там, где Вергилий делает стержнем

25 В переводе С. Шервинского упоминание о полюсе опущено: [32, с. 414].

26 «Так и живут дикари под Медведицей гиперборейской / *Злобные*. Тяжко терпеть им удары Рифейского Эвра» — “talis Hyperboreo septem subiecta trioni / gens *effrena* virum Rhipaeo tunditur Euro” (III, 381–383) [28, с. 114; 41, p. 206].

27 «Эти простертые под эрифманской Медведицей земли / Не отпускают меня, выжженный стужею край» (пер. Н. Вольпин). — “Proxima sideribus tellus Erymanthidos Ursae / me tenet, adstricto terra perusta gelu” (*Tristia*, III, IV, 47–48) [32, с. 411; 40, p. 118].

изображения «неокультуренность» скифской природы и скифских племен, Овидий сетует на безотрадность жизни на севере, то слезно выпрашивая, то настойчиво требуя от соотечественников сочувствия к собственной участи. Сам проникаясь невольным состраданием к «варварам» — своим товарищам по несчастью, он в конечном итоге жаждет сбросить с себя это чувство как наваждение и с неожиданной яростью, превосходящей более ранние выпады Вергилия, клеймит местных жителей, упрекая их в злобе и отказывая в праве называться людьми (см. выше сноску 19).

Колебания между невольным самоотождествлением с грешниками и подчеркнутым от них отчуждением присущи и Данте, однако именно среди льдов Коцита ярость и отвращение окончательно берут верх над сочувствием. К логике этого «яростного» расподобления приближают, помимо гневных филиппик проповедников и богословов, едкие инвективы античных сатириков, например Клавдия Клавдиана, также использовавшего в своей сатире «Против Руфина» (*In Rufinum*) топосы северной зимы и, в частности, связку мотивов «заледеневшие реки — война — ярость, злоба». Как и в «Скорбных элегиях», лед, покрывающий Данувий-Дунай, служит в сатире Клавдиана поводом к жестоким набегам: «*Войнам* путь проторил и, следя чтоб нигде не осталось / Незараженной страны, расписал *истребленье* по землям...» — “*laxavitque viam bellis* et, ne qua maneret / immunis regio, *cladem* divisit in orbem...” (*In Rufinum*, II, 24–25); «Одни переходят / *Заледенелый Дунай* и дробят колесами воды...» (пер. М. Гаспарова), буквально: «устремляются по застывшим хребтам неукротимого Дуная» — “alii *per terga ferocis / Danubii solidata* ruunt...” (*In Rufinum*, II, 26–27) [35, с. 227; 38][28]. Однако исходная причина пробуждения воинственных настроений — не в природе, а в злобе Руфина (объекта сатиры), возжаждавшего «замутить небывалую смуту» (“cuncta novo confundere luctu”, II, 17) [37]. Именно его злая воля стоит за бедами и раздорами, обрушившимися на природу и человеческий мир, и именно она срывает «препоны», до этого сдерживавшие дух вражды: “Laxavitque viam *bellis*...”.

Данте еще более однозначно настаивает на первичности духовного «оледенения» перед физическим благодаря радикальному предметному сдвигу: от холода «натурального» к холоду как проявлению и продолжению

28 См. еще вариант подстрочного перевода (В.В. Латышева) в издании: [31, с. 379].

греха (в логике тех же «толкований» папы Григория). В этом контексте неукротимая воинственность северных дикарей (увиденных глазами античности) столь же закономерно вытесняется ожесточенной злобой «узников» мертвого Коцита, за которой, как и в позднеантичной сатире, стоит злая воля, на этот раз — самого прародителя зла. Перечисленное вносит свои нюансы в трактовку классического топоса «удивления небывалой прочностью льда». Как античные авторы, рассуждавшие о «северной» зиме на Дунае, так и Данте в своем описании Коцита кажутся завороженными устойчивостью ледяного покрова, способного выдержать исключительную (в каждом случае) тяжесть: телег и подкованных лошадей (в сочинениях римских писателей[29]), гор — Тамберника и Пьетрапаны (в «Комедии»)[30]. Но хотя Вергилий говорит о «постоянстве» скифской зимы (“*Semper hiemps*, semper spirantes frigora Cauri”, *Georgica*, III, 356 [41, p. 205]), а Овидий упоминает о множестве мест, где снег не исчезает по два года (“et solet in multis *bima* manere locis”, *Tristia*, III, X, 16) [40, p. 136], все же главное, что удивляет автора «Скорбных элегий», — это сама способность застывшей влаги сохраняться в качестве твердой массы под лучами дневного солнца и под дождем в условиях скифской зимы (удивление, выдающее в римском поэте привычку скорее к недолгим заморозкам, чем к «настоящей» снежной зиме). Снег, не растаявший вскоре после того, как он выпал, и лед, не раздавленный тяжестью телег или человеческих ног, уже представляется ему «постоянным» (“perpetuamque”): «Снега навалит, и он ни в дождь, ни на солнце не тает, — / Оледенев на ветру, вечным становится снег» (“nix iacet, et iactam ne sol pluviaeque resovant, / indurate Boreas perpetuamque facit”, *Tristia*, III, X, 13–14) [32, с. 414; 40, p. 136]; «Мало увидеть — ногой касался я твердого моря, / Не намокала стопа, тронув поверхность воды». — “nic vidisse sac est; durum calcavimus aequor, / undaque non udo sub pede summa fuit”

29 «И уж река на хребте железные держит ободья, — / Прежде приют кораблей, теперь же — разлатых повозок». — “undaque iam tergo ferratos sustinet orbis, / puppibus illa prius, patulis nunc hospita plaustris” (*Georgica*, III, 360–362) [28, с. 113; 41, p. 205–206]; «По водам, / Скованным стужею, бьет звонко копыто коня... / Медленно тащат волы тяжесть сарматских телег». — “et undas / frigore concretas ungula pulsate qui... / ducunt Sarmatici barbara plaustra boves” (*Tristia*, III, X, 31–32, 34) [32, с. 415; 40, p. 138]; «дробят колесами воды, / Свычные прежде с веслом...» — “expertaque remos / frangunt stagna rotis” (*In Rufinum*, II, 27–28) [35, с. 227; 37].

30 «Когда бы Тамбернику невзначай / Иль Пьетрапане дать сюда свалиться, / У озера не хрустнул бы и край». — “...che se Tambernicchi / vi fosse su caduto, o Pietrapana, / non avria pur da l’orlo fatto cricchi” (Inferno, XXXII, 28–30) [29, с. 142; 38, p. 175].

(*Tristia*, III, X, 39–40) [32, с. 415; 40, р. 138]. Для Данте же «вечность» адского льда — не метафора земной *долго*вечности, но выражение неизбывности загробного наказания и адских мук. Это фундаментальное различие сказывается даже там, где сходство в трактовке топоса северной зимы между Данте и Овидием особенно велико: например, в разработке мотивов ледяной неподвижности и подражания природы искусству.

Данте (уроженец тех же широт, что и Овидий) как будто разделяет любопытство предшественника в отношении замерзшей воды, по которой можно ходить как по твердой земле или полу: «Я увидал, взглянув по сторонам, / Что подо мною озеро...» (см. сноску 18). Но любопытство оборачивается не сожалением о себе самом, оказавшемся в месте, где природа столь не похожа на ее привычный образ, а отвращением и ужасом по отношению к состоянию предательства, рождающему столь ужасную кару. Природа в обоих случаях предстает удаленной от своей «нормы», что неожиданно сближает ее либо с материалом, используемым художником (мрамор — у Овидия), либо с готовой работой мастера (стекло или зеркало — у Данте). Но в «Скорбных элегиях» это результат некоего «естественного» ослабления благодатных свойств натурального мира по мере удаления в сторону «края» (края земли, бытия или границы естественной нормы). В «Комедии» — следствие сознательного искажения воли.

Вероятно, по этой причине гипотетическая рукотворность ледяного озера у Данте кажется почти буквальной на фоне более ранних упоминаний о невидимом «мастере» (“lo maestro”), воздвигнувшем каменную набережную Флегетона (Inferno, XV, 13), и позднейших — о «творце» (“lo fabbro”), создавшем «говорящие» изваяния в Чистилище (Purgatorio, X, 99). Своим физическим состоянием грешники Данте, сжатые льдами или замурованные во льду, напоминают овидиевских застрявших в ледяной толще рыб (хотя сам Данте склонен сравнивать их с лягушками или псами). Но рыбы явно не виновны в своей участи — это «жертвы» зимы (хотя и не вызывающие сколько-нибудь заметного сочувствия автора), чего не скажешь о предателях, ставших узниками четырех поясов девятого круга: Каины, Антеноры, Толомеи и Джудекки. Неподвижность и здесь, и там — остановленное движение (и поэтому она не «возвышенна», но — в большинстве случаев — скорее гротескна). Но у Овидия препятствие к

движению — внешнее, физическое, у Данте — проявленное в физической форме внутреннее, моральное. Во всем этом видимым расхождением Данте с Овидием является также отсутствие какой-либо связи «зимних» дантовских образов с мотивом изгнания.

Отсутствие у Данте каких-либо упоминаний об овидиевской ссылке и параллелей с собственным изгнанием из Флоренции, видимое безразличие великого флорентийца к способу разработки топоса изгнанничества одним из бесспорно значимых для него античных творцов (которого он назвал «третьим» в круге поэтов Лимба, Inferno, IV, 90) — все эти «странности» не раз привлекали внимание исследователей [23, p. 9; 25, p. 55–56 и след.; 2, с. 360]. Главной причиной молчания Данте об Овидии-изгнаннике называют различное отношение двух поэтов к факту их ссылки (и к перспективе «прощения» лицами, утвердившими приговор) [2, с. 360], а также несходство исходных мотивов и юридической формы подобного «отлучения» от малой родины [25, p. 56–58, 62, 64, 68–69].

Различие тем не менее не препятствует развитию мотивов, ассоциируемых с овидиевским изгнанием, в принципиально новом контексте образа «христианской ссылки», понятой как отлученность души от Бога [22, p. 29, 31]. Место подобной «ссылки» — Ад, а ее содержание — духовная смерть: буквалистская «реализация» метафоры Овидия, называвшего свое «реальное» (земное) изгнание «первой и худшей смертью» (“prior et gravior mors”, III, III, 54)[31]. Автор «Комедии» отталкивался не от буквального («исторического») смысла исходного образа («изгнания, ссылки»), но от того, что составило его метафорический план. «Смерть заживо» [6, с. 207] — ключевая метафора поздней овидиевской поэзии (см. также: [25, p. 63]) — напоминает еще и о том, что в «Тристиях» римский поэт актуализировал ритуальные корни элегического жанра, изначально представлявшего собой «песнь по умершему» [5, с. 208] (см. также: [8, с. 156]). В русле этой традиции Овидий настраивает читателя на восприятие своих «стихов как оплакивания заживо погребенного» [5, с. 208], укрепляя метафору «изгнание — смерть» с помощью ряда отсылок к мифологическим топосам загробного мира. Путь

31 Ср. в пер. С. Шервинского: «В первый раз я *погиб*, когда был отправлен в изгнанье, — / То была первая *смерть* — горшая смерть для меня». — “cum patriam amisi, tunc me *perisse* putato: / et prior et gravior *mors* fuit illa mihi” (*Tristia*, III, III, 53–54) [32, с. 409; 40, p. 112].

к месту ссылки оборачивается при этом дорогой в Тартар[32], а берега Дуная неразличимо сливаются с берегами Стикса[33] [18, p. 136] — подземной реки, продолжением которой (уже в «буквальном» смысле) является дантовский Коцит.

Не менее важен мотив «смерти заживо» и для Данте. При этом поэт, как уже было сказано, отбрасывает буквальный («поверхностный») смысл овидиевского концепта и воплощает план метафорический в ряде самостоятельных образов. Одна из таких реализованных «духовных» метафор «смерти в самой жизни» обнаруживается в описании пояса Толомеи. Именно здесь Данте видит воочию тени «живых мертвецов» — предателей, чьи души с момента предательства ввержены в ледяную пропасть, пока на земле продолжают «здравствовать» их тела, одержимые бесом (Inferno, XXXIII, 118–147). Если же посмотреть шире, то в общечеловеческом масштабе «смерть заживо» — это греховная жизнь как таковая, обрекающая душу грешника на вечные муки. А на полюсе персональной судьбы Данте — это его прижизненное нисхождение в Ад: разновидность смерти при жизни, принятой ради жизни вечной, а также ради посмертной славы, которую призвана подарить ему будущая «священная поэма» (“poema sacra”, Paradiso, XXV, 1) [38, p. 512].

Во всем этом Данте словно «очищает» изгианнический топос Овидия от слишком «земного» (а порой — прямо языческого) содержания, извлекая из него две противоположные идеи: религиозного отлучения (вечной «ссылки» в Ад) и готовности к воссоединению с утраченным небесным «отечеством» (пути в Рай). При этом «ложная» религиозность Овидия, связанная с культом обожествленного императора[34], уступает место «истинной» вере в христианского Бога — воплощение той «Любви, что движет солнце и светила» (“l’amor che move il sole e l’altre stelle”, Paradiso, XXXIII, 145) [38, p. 560]. В лирическом мире Овидия (как и в жизни) разрыв с Римом и

32 «Сколько меж пенистых волн разверзается водных ущелий! / Можно подумать: вот-вот *черный* заденут *Аид*» (пер. С. Шервинского) — “quantae diductor subsidunt aequore valles! / iam iam tacturas *Tartara nigra* putes” (*Tristia*, I, II, 21–22) [32, с. 379; 40, p. 12].

33 «Здесь, где я вас лишен, заброшен в стигийские земли» (пер. А.П. Парина). — “ut carco vobis, *Stygias* detrusus *in oras*” (*Ex Ponto*, I, VIII, 27) [33; 40, p. 306].

34 Об особенностях овидиевского восприятия культа Августа см.: [6, с. 216], в том числе: «...наказан он был Августом-человеком, способным ошибаться, как всякий человек... а помилования ждет от Августа-бога, милосердного, как истинный бог» [6, с. 216].

властвующим над ним Августом остался непреодоленным: посвятив «элегическую лиру / Глухому своему кумиру» (по выражению А.С. Пушкина[35]), поэт не был услышан и не был «спасен» римским «богом» из ссылки. Напротив, в дантовской вселенной, служащей идеальным воплощением нравственного Абсолюта, между героем и его «небесной родиной» с самого начала намечается встречное движение (через посланцев высших сил и собственный путь Данте к конечной цели). Все это сказывается в итоге в трактовке соотношения между движением автора (героя и поэта) и возникающим на его пути локусом ледяного «края вселенной» (или ледяного дна Ада).

Оказавшись (не по своей воле) на этом краю, Овидий мысленно стремится назад, желая вернуться в исходную точку, поскольку движение в том же направлении может означать только переход от метафорической смерти к буквальной — физической. Перед Данте же по достижении «дна» открывается иной путь — путь непосредственного восхождения к небесному Абсолюту. «Возвращение» в лоно божественной благодати предстает здесь одновременно как продолжение дороги, приведшей к краю гибели, и как радикальный поворот в физическом и духовном пространстве: «челом туда, где прежде были ноги» (“volse la testa ov’elli avea le zanche”, Inferno, XXXIV, 79) [38, p. 187]. И если ранее соотношение между духовным благом героя и увиденным им злом было «обратным» (чем ниже падение человечества, тем полнее и глубже знание Данте), то теперь оно становится прямым: персональное благо возрастает по мере все более полного приобщения к благу вселенскому. В этих условиях спуск Данте в Ад и его погружение в ледяную пропасть не являются лишь произвольным уклонением с «правильного» пути (каким казалось Овидию его изгнание в Томы). Скорее это одно из необходимых условий спасения (подобно временной смерти предшественников — героев додантовских средневековых видений). И опыт адской «зимы», воплотившей в себе абсолютное зло, является в этом смысле для Данте источником возрождения, так же как в поэтическом смысле он становится катализатором творческой переработки классических топосов античной поэзии.

Подводя итог, еще раз отметим, что адская «зима» Данте — бытие, которое вследствие добровольного отпадения от высшего блага приходит

35 В стихотворении «Из письма к Гнедичу» (1821): «В стране, где Юлией венчанный / И хитрым Августом изгнанный, / Овидий мрачны дни влачил; / Где элегическую лиру / Глухому своему кумиру / Он малодушно посвятил...» [36, с. 31].

к пределу самоотрицания. Но будучи увидено глазами странника и поэта — не как состояние его собственной души, но как наблюдаемый им нравственный и физический полюс бытия — оно способно нести душе благо, оставаясь при этом злом. Тем самым концентрация отрицательных характеристик в образе адской «зимы» даже в такой однозначно «оценочной» репрезентации заключает в себе зародыш противоречивости, двойственности. За этой двойственностью скрывается потенциальная амбивалентность «зимних» мотивов как таковых, распространяющаяся на образно-смысловые корреляты зимы («тьму, хаос, бесплодие, умирающую жизнь и старость» [16, p. 187–188]), которые составляют в сочетании с нею единый образный ряд, уходящий корнями в ритуально-мифологическое мышление и практику.

В этот ряд, безусловно, включается и сама смерть, понимаемая в христианстве как следствие победы греха над природой. Благодаря спасительному пути, открытому для творения искупительной жертвой Христа, победа эта в исторической перспективе не является окончательной и не признается препятствием к благому итогу земного духовного «странствия» индивидуальной души. Именно эту духовную перспективу призвана была оживить в воображении читателя «священная поэма» Данте, в том числе (парадоксальным образом) с помощью образа адской «зимы» как зеркала «неисцелимого» и неискупимого греха, караемого в дантовском Аду ледяным холодом.

Список литературы

Исследования

1 *Андреев М.Л.* Данте // История литературы Италии. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. Т. 1: Средние века. С. 307–366.

2 *Андреев М.Л.* Данте — Петрарка — Тассо: Топос поэта-изгнанника // Диалог со временем. 2018. № 62. С. 359–365.

3 *Бент А.Г.* Пушкин и Овидий: тема изгнанничества // Вестник Челябинского государственного университета. 1999. № 1. С. 153–159.

4 *Вулих Н.В.* Образ Овидия в творчестве Пушкина // Временник Пушкинской комиссии, 1972. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1974. С. 66–76.

5 *Вулих Н.В.* Овидий. М.: Молодая гвардия: Соратник, 1996. 281 с.

6 *Гаспаров М.Л.* Овидий в изгнании // *Гаспаров М.Л.* Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 1997. Т. 1: О поэтах. С. 192–227.

7 *Гуревич А.Я.* Избранные труды. Культура средневековой Европы. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007. 544 с.

8 *Дуров В.С.* История римской литературы. СПб.: Филол. фак-т Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2000. 624 с.

9 *Карпюк С.Г.* Восприятие зимы в древнегреческой поэзии и басне // Вестник древней истории. 2008. № 3. С. 136–143.

10 *Подосинов А.В.* Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья: тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1985. 286 с.

11 *Чистяков Г.* Беседы о литературе: Запад. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 400 с.

12 *Чистяков Г.* В поисках Вечного Града. О встрече с Христом. М.: Никея, 2019. 320 с.

13 *Bigi E.* Cocito // Enciclopedia Dantesca (1970). URL: https://www.treccani.it/enciclopedia/cocito_%28Enciclopedia-Dantesca%29/ (дата обращения: 21.11.2021).

14 *Carrai S.* Appunti sulla preistoria dell'elegia volgare // L'elegia nella tradizione poetica italiana / ed. by Andrea Comboni and Alessandra Di Ricco. Trento: Università degli Studi di Trento, 2003. P. 1–15.

15 *Fosca N.* [Commento al] Inferno 32.22–24 // Dartmouth Dante Project. URL: https://dante.dartmouth.edu/search_view.php?doc=200351320220&cmd=gotoresult&arg1=0 (дата обращения: 21.11.2021).

16 *Frye N.* Anatomy of Criticism. Four Essays. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 1990. XVI, 383 p.

17 *Hexter R.J.* Ovid and Medieval Schooling: Studies in Medieval School Commentaries on Ovid's *Ars amatoria*, *Epistulae ex Ponto*, and *Epistulae heroidum*. Munich: Arbeo-Gessellschaft, 1986. 336 p.

18 *Keen C.* Dante e la Riposta Ovidiana all'Esilio // Miti, Figure, Metamorphosi l'Ovidio di Dante / a cura di Carlota Cattermole e Marcello Ciccuto. Firenze: Le Lettere, 2019. P. 111–138.

19 *Kleinhenz C.* Dante and the Bible: Biblical Citation in the Divine Comedy // Dante: Contemporary Perspectives / ed. by A.A. Ianucci. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press, 1997. P. 74–93.

20 *Moore E.* Studies in Dante. First Series. Scripture and Classical Authors in Dante. New York: Greenwood Press Publishers, 1968 [Originally published in 1896]. VIII, [2], 399 p.

21 *Picone M.* Dante and the Classics // Dante: Contemporary Perspectives / ed. by A.A. Ianucci. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press, 1997. P. 51–73.

22 *Picone M.* Dante, Ovid, and the Poetry of Exile // Dante in Oxford: The Paget Toynbee Lectures 1995–2003 / ed. by Tristan Kay, Martin McLaughlin and Michelangelo Zaccarello. London: Legenda; Modern Humanities Research Association and Routlege, 2011. XII, 186 p.

23 The Poetry of Allusion. Virgil and Ovid in Dante's Commedia / ed. by Rachel Jacoff and Jeffrey T. Schnapp; contributors, Robert Ball... [et al.]. Stanford (Calif.): Stanford University Press, 1991. XIII, 333 p.

24 *Smarr J.L.* Poets of Love and Exile // Dante and Ovid: Essays in Intertextuality / ed. by M.U. Sowell. Binghamton, N.Y.: Center for Medieval and Early Renaissance Studies, 1991. P. 139–151.

25 *Wilson R*. Exile and Relegation in Dante and Ovid // Annali d'Italianistica. 2002. Vol. 20. Exile Literature. P. 55–72.
26 *Wheeler A.L.* Introduction // [*Ovidius Naso P.*]. Ovid with an English Translation. Tristia. Ex Ponto / [ed. by] A.L. Wheeler. Cambridge, Mass.: Harvard University Press; London: William Heinemann Ltd., MCMXXXIX [1939]. P. VII–XLIV.

Источники

27 Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета / в русском переводе с параллельными местами и приложениями. М.: Российское библейское о-во, 2001. 1371, [4] с.
28 *Вергилий [Марон П]*. Буколики. Георгики. Энеида. М.: Худож. лит., 1979. 550 с.
29 *Данте Алигьери*. Божественная комедия / пер. М. Лозинского; изд. подгот. И.Н. Голенищев-Кутузов. М.: Наука, 1967. 627 с.
30 Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе / собрал и издал с русским переводом В.В. Латышев. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1890–1906. Т. 1, вып. 1–3: Греческие писатели. 1890–1900. VIII, [2], 946 с.
31 Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе = Scythica et caucasica e veteribus scriptoribus graecis et latinis / собрал и издал с русским переводом В.В. Латышев. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1890–1906. Т. 2, вып. 2: Латинские писатели = Scriptores latini. 1906. 273–454 с.
32 *Овидий* [*Назон П.*]. Элегии и малые поэмы / пер. с лат. М.: Худож. лит., 1973. 526 с.
33 *Овидий Назон П*. Письма с Понта. Книга I, VIII. Северу / пер. А. Парина // *Овидий Назон Публий*. Скорбные элегии. Письма с Понта. М.: Наука, 1978. URL: http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1303008001#8 (дата обращения: 21.01.2022).
34 *Овидий Назон П*. Письма с Понта. Книга IV, X. Альбиновану / пер. Н. Вольпин // *Овидий Назон Публий*. Скорбные элегии. Письма с Понта. М.: Наука, 1978. URL: http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1303008004#10 (дата обращения: 21.01.2022).
35 Поздняя латинская поэзия / пер. с лат.; сост. и вступ. ст. М.Л. Гаспарова. М.: Худож. лит., 1982. 719 с.
36 *Пушкин А.С*. Полн. собр. соч.: в 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 2. 463 с.
37 [*Claudianus, Claudius*]. C. Claudiani In Rufinum. Liber Posterior (II). URL: http://www.poesialatina.it/_ns/testi/Claudian/InRufin2.htm (дата обращения: 21.01.2022).
38 *Dante Alighieri*. La Divina Commedia. [S. l.]: Crescere edizioni, 2020. 560, [14] p.
39 [*Gregorius Magnus*]. Gregorii Magni Moralia in Iob. Libri XXIII–XXXV / cura et studio Marci Adriaen. Turnholti: Typographi brepols editores pontificii, MCMLXXXV [1985]. P. [2], 1143–1880 p.
40 [*Ovidius Naso P.*]. Ovid with an English Translation. Tristia. Ex Ponto / [ed. by] Arthur Leslie Wheeler. Cambridge, Mass.: Harvard University Press; London: William Heinemann Ltd., MCMXXXIX [1939]. XLIV, 511, [1], 10 p.
41 [*Vergilius Maro P.*]. Publi Vergili Maronis Bucolica; Aeneis; Georgica = The Greater Poems of Vergil. Vol. 2. Containing the Last Six Books of the Aeneid, and the Georgics. Boston: Ginn, Heath, & Co., 1884. 228, 105 p.

References

1 Andreev, M.L. “Dante.” *Istoriia literatury Italii* [*The History of Italian Literature*], vol. 1: Srednie veka [Middle Ages]. Moscow, IWL RAS Publ., Nasledie Publ., 2000, pp. 307–366. (In Russ.)

2 Andreev, M.L. “Dante — Petrarka — Tasso: Topos poeta-izgnannika” [“Dante, Petrarch, Tasso: the Topos of an Exile Poet”]. *Dialog so vremenem*, no. 62, 2018, pp. 359–365. (In Russ.)

3 Bent, A.G. “Pushkin i Ovidii: tema izgnannichestva” [“Pushkin and Ovid: the Theme of Exile”]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1, 1999, pp. 153–159. (In Russ.)

4 Vulikh, N.V. “Obraz Ovidiia v tvorchestve Pushkina” [“The Image of Ovid in Pushkin’s Oeuvres”]. *Vremennik Pushkinskoi komissii, 1972* [*The Annals of the Pushkin Committee, 1972*]. Leningrad, Nauka Publ., 1974, pp. 66–76. (In Russ.)

5 Vulikh, N.V. *Ovidii* [*Ovid*]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., Soratnik Publ., 1996. 281 p. (In Russ.)

6 Gasparov, M.L. “Ovidii v izgnanii” [“Ovid in Exile”]. Gasparov, M.L. *Izbrannye Trudy* [*Selected Works*], vol. 1: O poetakh [About Poets]. Moscow, Iazyki russkoi kul’tury Publ., 1997, pp. 192–227. (In Russ.)

7 Gurevich, A.Ia. *Izbrannye trudy. Kul’tura srednevekovoi Evropy* [*Selected Works. The Culture of Mediaeval Europe*]. St. Petersburg, Izdatel’stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2007. 544 p. (In Russ.)

8 Durov, V.S. *Istoriia rimskoi literatury* [*The History of Roman Literature*]. St. Petersburg, Filologicheskii fakul’tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2000. 624 p. (In Russ.)

9 Karpiuk, S.G. “Vospriiatie zimy v drevnegrecheskoi poezii i basne” [“Reception of Winter in Ancient Greek Poetry and Fables”]. *Vestnik drevnei istorii*, no. 3, 2008, pp. 136–143. (In Russ.)

10 Podosinov, A.V. *Proizvedeniia Ovidiia kak istochnik po istorii Vostochnoi Evropy i Zakavkaz’ia: teksty, perevod, kommentarii* [*Ovid’s Oeuvre as a Source on the History of Eastern Europe and Transcaucasia: Texts, Translation, Comments*]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 286 p. (In Russ.)

11 Chistiakov, G. *Besedy o literature: Zapad* [*Talks on Literature: The West*]. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2017. 400 p. (In Russ.)

12 Chistiakov, G. *V poiskakh Vechnogo Grada. O vstreche s Khristom* [*In Search of the Eternal City. On the Meeting with Christ*]. Moscow, Nikeia Publ., 2019. 320 p. (In Russ.)

13 Bigi, Emilio. “Cocito.” *Enciclopedia Dantesca (1970)*. Available at: https://www.treccani.it/enciclopedia/cocito_%28Enciclopedia-Dantesca%29/ (Accessed 21 November 2021). (In Italian)

14 Carrai, Stephano. “Appunti sulla preistoria dell’elegia volgare.” *L’elegia nella tradizione poetica italiana*, a cura di Andrea Comboni e Alessandra Di Ricco. Trento, Università degli Studi di Trento, 2003, pp. 1–15. (In Italian)

15 Fosca, Nicola. "[Commento al] Inferno 32.22–24." *Dartmouth Dante Project*. Available at: https://dante.dartmouth.edu/search_view.php?doc=200351320220&cmd=gotoresult&arg1=0 (Accessed 21 November 2021). (In Italian)
16 Frye, Northrop. *Anatomy of Criticism. Four Essays*. Princeton, Oxford, Princeton University Press, 1990. XVI, 383 p. (In English)
17 Hexter, Ralph J. *Ovid and Medieval Schooling: Studies in Medieval School Commentaries on Ovid's "Ars amatoria", "Epistulae ex Ponto", and "Epistulae heroidum"*. Munich, Arbeo-Gessellschaft, 1986. 336 p. (In English)
18 Keen, Catherine. "Dante e la Riposta Ovidiana all'Esilio." *Miti, Figure, Metamorphosi l'Ovidio di Dante*, a cura di Carlota Cattermole e Marcello Ciccuto. Firenze, Le Lettere, 2019, pp. 111–138. (In Italian)
19 Kleinhenz, Christopher. "Dante and the Bible: Biblical Citation in the Divine Comedy." Amilcare A. Ianucci, editor. *Dante: Contemporary Perspectives*. Toronto, Buffalo, London, University of Toronto Press, 1997, pp. 74–93. (In English)
20 Moore, Edward. *Studies in Dante. First Series. Scripture and Classical Authors in Dante*. New York, Greenwood Press Publishers, 1968 [Originally published in 1896]. VIII, [2], 399 p. (In English)
21 Picone, Michelangelo. "Dante and the Classics." Amilcare A. Ianucci, editor. *Dante: Contemporary Perspectives*. Toronto, Buffalo, London, University of Toronto Press, 1997, pp. 51–73. (In English)
22 Picone, Michelangelo. "Dante, Ovid, and the Poetry of Exile." Kay, Tristan, McLaughlin, Martin, Zaccarello, Michelangelo, editors. *Dante in Oxford: The Paget Toynbee Lectures 1995–2003*. London, Legenda, Modern Humanities Research Association and Routlege, 2011. XII, 186 p. (In English)
23 Jacoff, Rachel, Schapp, Jeffery T., editors. *The Poetry of Allusion. Virgil and Ovid in Dante's Commedia*. Stanford (Calif.), Stanford University Press, 1991. XIII, 333 p. (In English)
24 Smarr, Jenet Levarie. "Poets of Love and Exile." Madison, U. Sowell, editor. *Dante and Ovid: Essays in Intertextuality*. New York, Center for Medieval and Early Renaissance Studies, 1991, pp. 139–151. (In English)
25 Wilson, Robert. "Exile and Relegation in Dante and Ovid." *Annali d'Italianistica*, vol. 20 (Exile Literature), 2002, pp. 55–72. (In English)
26 Wheeler, Arthur Leslie. "Introduction." [Ovidius, Naso P.]. Arthur Leslie Wheeler, editor. *Ovid with an English Translation. Tristia. Ex Ponto*. Cambridge, Mass., Harvard University Press, London, William Heinemann Ltd., MCMXXXIX [1939], pp. VII–XLIV. (In English)